

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПРЕДКИ ПРОТИВ ПОРЯДКА: ДВЕ МОДЕЛИ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА

А.А. Кирзюк, А.С. Архипова, М.В. Гаврилова, И.В. Козлова, С.В. Белянин

Анна Андреевна Кирзюк | <https://orcid.org/0000-0002-4946-2148> | kirzyuk@gmail.com | к. филос. н., старший научный сотрудник | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Александра Сергеевна Архипова | <https://orcid.org/0000-0001-8853-0003> | alexandraarkhipova@gmail.com | к. филол. н., старший научный сотрудник | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия) | приглашенный научный сотрудник, лаборатория социальной антропологии | Высшая школа социальных наук (bd. Raspail 54, Париж, 75006, Франция)

Мария Владимировна Гаврилова | <https://orcid.org/0000-0003-0846-3408> | maria.vl.gavrilova@gmail.com | к. филол. н., старший научный сотрудник | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Ирина Владимировна Козлова | <https://orcid.org/0000-0001-5466-1339> | matira@dobre.ru | к. филол. н., старший научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Сергей Владимирович Белянин | <https://orcid.org/0000-0002-0809-1352> | robispre10@gmail.com | научный сотрудник | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82/1, Москва, 119571, Россия)

Ключевые слова

Великая Отечественная война, память, День Победы, Бессмертный полк, публичная коммеморация, культ предков, модель социального порядка

Аннотация

На протяжении нескольких лет авторы статьи проводили полевые исследования Бессмертного полка, интервьюировали организаторов и рядовых участников шествий в нескольких российских городах. В статье рассматриваются две наиболее распространен-

Статья поступила 27.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 16.01.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кирзюк А.А., Архипова А.С., Гаврилова М.В., Козлова И.В., Белянин С.В. Предки против порядка: две модели Бессмертного полка // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 2. С. 153–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020082> EDN: RBYWNC

Kirziuk, A., A. Arkhipova, M. Gavrilova, I. Kozlova, and S. Belyanin. 2023. Predki protiv poriadka: dve modeli Bessmertnogo polka [Ancestors against Order: Two Models of Immortal Regiment]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 153–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020082> EDN: RBYWNC

ные модели организации Бессмертного полка. Первую из них авторы называют моделью “социального порядка”. Ее цель – демонстрация городского сообщества в его идеальном состоянии. Такое шествие четко структурировано, его участники часто униформированы, а место каждого зависит от его принадлежности к той или иной профессиональной/возрастной группе. Второй тип организации шествия назван моделью “культы предков”. В данном случае порядок колонн и внешний вид портретоносцев значения не имеют, поскольку главными участниками шествия становятся не живые, а умершие. Успех акции, организованной по этой модели, измеряется силой ее эмоционального эффекта: в идеальном варианте участники и зрители плачут, переживая катарсис. Подробно описывая две эти модели, авторы рассматривают конфликты между их приверженцами, а также анализируют мотивации организаторов и рядовых участников шествий.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения: 075-15-2022-326)

Когда в 2012 г. томские журналисты предложили провести акцию “Бессмертный полк” (далее – БП), идея уже витала в воздухе: в это же время в других городах предпринимались схожие усилия по созданию новых ритуалов памяти о войне. Например, в Ульяновске выдвинули идею выставлять портреты погибших на войне в окнах – эту акцию назвали “Мои сражались за Родину” (*listina73* 2013). Исследователи связывают БП и подобные ему инициативы с тем, что к 2010-м годам живых участников Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) осталось мало: по выражению Ивана Куриллы, “в том месте праздника, где ранее были ветераны, зияла заметная дыра” (*Курилла* 2018: 1). Новый ритуал приобрел поистине всенародную популярность. В 2017 г., по данным ВЦИОМ, акцию одобряли 96% россиян, а по данным Левада-Центра – 91%. Оказалось, что даже традиционный военный парад вызывает у граждан меньше энтузиазма (его одобряют 83%) (*Титков* 2019: 210).

Цель проведения акции изначально состояла в выражении личной, семейной памяти о войне, которая способна противостоять ее официальной, помпезно-победной версии. Однако в 2014 г. инициатива получила государственное финансирование, и активное участие властей в организации шествий вызвало раскол внутри движения¹. Начиная с 2015 г. БП собирает в крупных городах многотысячные шествия, в которых участвуют как люди, пришедшие по личной инициативе, так и привлеченные с помощью административного ресурса студенты, школьники и бюджетники.

У части россиян “огосударствление” БП вызвало резко негативную реакцию, что стало причиной споров, не утихающих с 2014 г. Выложенные в сеть фотографии с БП противники акции нередко сопровождают критикой и оскорбительными хэштегами (напр.: #группоносы и #победобесие). Оппозиционно настроенные публицисты и рядовые пользователи видят в БП прежде всего продукт исторической политики современной России, инструмент легитимации существующего режима. С ними соглашается часть исследователей – например, французский историк Галия Акерман считает, что российская власть успешно апроприировала БП для оправдания своей милитаристской политики (*Fauconnier* 2019). Других авторов также занимает вопрос о том, какие политические дивиденды государство извлекает из БП и насколько ему удалось присвоить “народную” память. Николай Энпле полагает, что вмешательство государства в БП усиливает разрыв между частной памятью о войне и ее публичным выражением (*Энпле* 2020: 445). Иван Курилла приходит к противоположному выводу: как бы власть ни пыталась манипулировать семейной памятью о

войне, символический потенциал БП оказывается сильнее, и в результате БП становится “самой массовой протестной акцией в России” (Курилла 2018: 9). Джулия Федор и Елизавета Гауфман (Fedor 2017; Gaufrman 2017) показывают, как государственная пропаганда использует эмоциональный потенциал БП.

Работы о том, насколько официальная победная версия войны поглотила семейную память о трагедии, не рассматривают устройство отдельно взятых шествий и конфликты вокруг БП, не связанные с вмешательством государства. Также в существующих исследованиях мало представлены мотивации рядовых участников БП. Перечисленные выше работы построены на анализе высказываний властей (Fedor 2017; Gaufrman 2017). Авторы исследования “Какое прошлое нужно будущему России?” опираются на интервью с “актерами памяти” – активистами, журналистами, краеведами и музейными работниками (Юдин и др. 2017). Обращение к высказываниям рядовых участников российских БП пока остается исключением (Митрофанова 2020)².

Данная статья восполняет этот дефицит: мы опрашивали не только организаторов, но и рядовых участников шествий. Что касается исследовательского ракурса, то мы сознательно отходим от оппозиции “народная память/ее использование государством” и надеемся, что это позволит нам увидеть в БП то, что остается за рамками ожесточенных сетевых дискуссий вокруг этой акции.

Гипотеза и материал исследования

В отличие от многих авторов, Михаил Габович предлагает рассматривать БП не в оппозиции “народное движение/властная инициатива”, а как пример *coruscant movement* – коллективного действия, возникающего из локальной инициативы и вызывающего спонтанное подражание (Gabowitsch 2018). *Coruscant movement* – это спонтанные самоорганизации людей, которые сами определяют степень своей вовлеченности в то или иное движение. Предполагается, что участники *coruscant movement* не обладают сильными связями друг с другом и не имеют отношения к институтам, которые могли бы их дисциплинировать или принуждать. Хотя в последние годы БП на местах организуют официальные институты, мы все же можем считать этот ритуал разновидностью *coruscant movement*, поскольку при воспроизводстве “образца” возможен широкий спектр импровизаций и вариаций. Люди, которые пытаются копировать акцию на местах, не столько точно воспроизводят образец, сколько добавляют в него свои смыслы (Gabowitsch 2018, Габович 2015).

Мы склонны согласиться с этой позицией: противопоставление официальной (победной) и подлинной народной (трагической) памяти для изучения современных коммеморативных ритуалов не слишком продуктивно. Создание БП – это пластичный процесс. Хотя участники разных шествий совершают, на взгляд внешнего наблюдателя, практически одни и те же действия, их смысловое и эмоциональное наполнение довольно сильно различается. Точно так же у жителей разных населенных пунктов не совпадают представления о том, для чего нужен БП и как следует (или не следует) поминать участников войны. Наша гипотеза состоит в следующем: акторы *coruscant movement* – организаторы, активисты, постоянные участники БП – воспроизводят “оригинал” не случайным и не одинаковым образом. Хотя количество вариантов локальных “сборок” нового коммеморативного ритуала велико, чаще всего мы видим акции, стремящиеся к двум моделям. Одна из них предполагает демонстрацию социального порядка у живых, другая – утверждение связи между живыми и мертвыми.

Однако прежде чем обсуждать устройство этих двух моделей, мы хотим сделать важную оговорку. Мы не утверждаем, что существуют *только* две модели

“сборки” БП. Конечно, возможны и другие модели. То, что мы описываем ниже – это скорее наиболее заметные тенденции в современной российской коммеморативной практике.

Наша цель – понять, в каких случаях та или другая модель оказывается более востребованной, и почему. Для этого на примере нескольких локальных кейсов мы покажем, как реализуются эти модели, что делает их привлекательными для разных людей, а также какие конфликты они вызывают внутри рассматриваемых сообществ. Кроме того, мы стремились выяснить мотивации рядовых участников БП: что побуждает их выходить с портретами на шествие?

В основу исследования легли материалы, которые наша группа собирала с 2017 по 2021 г. В 2017–2019 гг. мы наблюдали за шествиями в ряде городов и сел северной и центральной России, интервьюировали организаторов и рядовых участников БП (как на самом шествии, так и вне его), разговаривали с посетителями кладбищ 9 мая, присутствовали на патриотическом автопробеге, при возложении цветов и на других праздничных мероприятиях. Несколько интервью было записано в 2020–2022 гг.

Всего мы собрали около 300 интервью в 22 населенных пунктах в разных регионах России³. В статье используются в основном те из них, которые мы записали в нескольких малых городах и поселках на Русском Севере (112 интервью), но для сравнения иногда привлекаются интервью из других регионов. Статья, за исключением нескольких незначительных дополнений, была написана до 24 февраля 2022 г.

Две модели организации БП, о которых пойдет речь в этой статье, мы выделили во время полевого исследования в 2017–2018 гг. в двух небольших городах на Русском Севере, которые далее мы будем называть города N и X. Население города N – около 10 тыс. человек, города X – около 8 тыс. В обоих городах не развита досуговая инфраструктура, и потому шествие БП является значимым событием, в которое в той или иной форме вовлечено большинство жителей. Акция БП в городах N и X проходит с 2013 г.

В целях защиты информантов небольшие населенные пункты, упоминаемые в статье, обозначены латинскими буквами, а имена организаторов шествий изменены.

“Дюркгеймовский эффект”, “живые и мертвые” Уорнера и День Победы

Согласно концепции Эмиля Дюркгейма, ритуалы нужны сообществам для того, чтобы ощутить себя единым целым: для этого люди должны время от времени собираться вместе и производить одни и те же действия, вызывающие у них одинаковые эмоции (Дюркгейм 2018). В этом смысле различие между религиозными и светскими ритуалами не важно, поскольку и те, и другие позволяют участникам экстатически ощутить принадлежность к трансцендентной реальности – к чему-то большему, чем индивид. Главная функция коллективного ритуала – поддерживать чувство общности. Его участник может думать, что он чувствует единение с Богом или с предками, но на самом деле, по Дюркгейму, он ощущает принадлежность к социальному целому (Арон 1992: 353). Далее мы будем называть этот комплекс эмоций “дюркгеймовским эффектом”.

Уильям Уорнер применил идеи Дюркгейма к анализу общественно-политической жизни небольшого американского городка Ньюбери-Порт в Новой Англии. Он детально описал и изучил праздничные ритуалы этого города, обозначенного им как “Янки-Сити”, и объяснил, как с их помощью его жители под-

держивали чувство общности (Уорнер 2000). Особое внимание Уорнер уделил двум праздникам – юбилею города и Дню памяти павших. Несмотря на смысловую разницу между двумя этими праздниками (один посвящен 300-летию со дня основания Янки-Сити, а другой – памяти солдат, погибших в войнах), проводятся они схожим образом. И в том, и в другом случае, вспоминая некоторое событие из прошлого, жители города “коллективно заявляют о том, кто, по их мнению, они такие” (Там же: 122).

На 300-летний юбилей “Янки-Сити” была устроена грандиозная процессия, в которой группы жителей представляли в виде “живых картин” разные эпизоды из истории города. При этом порядок следования той или иной “картины” в общем шествии и выбор группы, которая ее будет представлять, были не случайными. Процессия демонстрировала причастность каждой профессиональной, религиозной и социальной общности к символам славного прошлого города и одновременно показывала их место в его настоящем. Такая же упорядоченная процессия празднично одетых людей, многие из которых были в униформе своих организаций, шла по Янки-Сити на День памяти павших. Если на юбилейном шествии причастность каждой группы к целому была показана через демонстрацию ее роли в истории города, то на Дне памяти павших разные группы ощущали эту причастность благодаря списку погибших, в котором были представлены “все сегментарные этнические группы, все вероисповедания и статусные уровни сообщества” (Там же: 284).

Согласно Уорнеру, и юбилей города, и День памяти павших – это, во-первых, репрезентация социального порядка, в котором разные группы связаны друг с другом через общую историю и общих мертвых, а во-вторых, – переживание эйфории и сопричастности социальному целому (т.е. “дюркгеймовский эффект”). В его концепции эти две функции коллективных ритуалов, связанных с “культом мертвых”, – вызывать чувство сопричастности миру славных предков и репрезентировать социальный порядок – дополняют друг друга, не конфликтуя. Что касается организации такого коллективного ритуала, как БП, то тут эти два стремления могут вступать в противоречие.

Далее мы рассмотрим, как в городе N две модели БП – “социального порядка” и “культы предков” – конкурируют за чувства рядовых участников шествий.

Модель “социального порядка” и городах N и X

В городе N организатором БП первоначально была Тамара (около 60 лет), жена бывшего мэра, которая работает в местном Доме молодежи. Тамара исполняет обязанности председателя Совета ветеранов и занимается “патриотическим воспитанием”, проводя различные мероприятия для молодежи.

Тамара рассказала нам, как она видит организацию парада Победы и БП, причем она была уверена, что проводит акцию именно так, как ее задумывали томские активисты, создатели БП. Идея шествия для нее заключалась в демонстрации социальной структуры местного сообщества: жители города, объединенные по возрастным и профессиональным группам, следовали в строго определенном порядке.

День Победы в городе N в 2017–2018 гг. начинался с утреннего шествия БП. По мнению Тамары, БП должен демонстрировать скорее память о прошлых победах и готовность к будущим, чем семейную память. Приоритет именно этой связи – не между дедом и внуком, а между прошлыми и будущими победами страны – находит выражение в том, что портреты ветеранов, сделанные по “Книге памяти” и выданные в администрации города, во время шествия несут не родственники погибших, а школьники.

БП, организованный Тамарой, представляет собой структуру, в которой важную роль играют статусы – как живых людей, несущих портреты, так и изображенных на этих портретах мертвых. Сначала Тамара искала для участия в шествии “самых организованных” школьников. Ими оказались члены местного подросткового клуба каратэ – именно они несли портреты ветеранов, когда БП в городе N проводился в первый и во второй раз. Один из наших информантов, школьник Денис, состоял в этом клубе и участвовал в акции в 2014 г., когда ему было 13 лет. На наш вопрос о том, почему организаторы выбрали именно спортсменов, он сказал: “...у нас подготовка такая строевая... такая дисциплина просто, у каратистов, что все идут ровненько-ровненько, шаг в шаг” (ПМА 1: м., 2001 г.р.).

Тамара хотела, чтобы портретоносцы не только вели себя дисциплинированно и имели “строевую выправку”, но и выглядели единообразно. Ей не нравилось, что молодые спортсмены из клуба разновозрастные, поэтому, когда акция проводилась в третий раз, она добилась, чтобы портреты несли специально отобранные школьники одного возраста, одетые в одинаковые белые рубашки:

Они старались, они репетировали, но дети разновозрастные, и понятно, почему мы потом подобрали один класс. Дети разновозрастные – понятно, что они и физически по-разному выглядят, кто выше, кто ниже, кто посильнее, кто послабее, вот в этом было немножечко, так это момент не то чтобы некрасивый, на детей всегда приятно смотреть, но... (Там же: ж., 1957 г.р.)

В 2018 г. портреты героев несли юнармейцы⁴, чей внешний вид благодаря униформе и полувоенной выправке идеально соответствует требованиям “организованности” и единообразия.

Юные портретоносцы тоже рассказывали нам о строгости требований. Школьница Надя 16 лет вспоминает: “...когда в первый раз ходили, у нас очень строго было, то есть у нас один мальчик пришел не в белой рубашке – его отправили переодеваться” (Там же: ж., 2001 г.р.). Сама Надя, которая несла в БП портрет ветерана, который не был ее родственником, очень переживала, правильно ли она это делает. Она опасалась неодобрения окружающих, которые могли бы усмотреть в ее ошибках неуважение к памяти героя.

В представлении Тамары фотографии для БП также должны были соответствовать общему образцу: “Портреты мы стараемся придерживаться едино... как бы сказать, единообразия, чтобы они были друг к другу приближены” (Там же: ж., 1957 г.р.). Когда люди начали приносить портреты своих предков, организаторы тоже старались подогнать их под один формат. Сами изображения хранились в администрации, их выдавали перед праздником и сдавали туда же после его окончания⁵. Наиболее “организованные” и нарядные школьники, возглавлявшие колонну, несли портреты не рядовых фронтовиков, а героев Советского Союза.

За школьниками в БП шли “неорганизованные” жители города с портретами своих близких – участников войны, часто самодельными. Масштаб акции в городе N с каждым годом увеличивается. Начинали БП всего с семи человек, в 2018 же году в шествии, по нашим наблюдениям, участвовало 150–200 человек. Приходили, как правило, семьями (кроме школьников, идущих каждый со своим классом).

Когда утром 9 мая Тамара скомандовала построение полка, участники выстроились перед ней в 2-3 ряда. Они разговаривали между собой, активно фотографировались, дисциплинировали детей – объясняли, что портреты следует нести выше и вести себя нужно подобающим образом. Пока полк шел по ули-

це, к нему активно присоединялись новые участники. Шествие, возглавляемое портретами героев Советского Союза и наиболее “организованными” школьниками, прибывало на центральную площадь города, где БП вливался в ряды зрителей.

После прибытия БП и небольшого митинга первой двинулась колонна призывников (весенний призыв). Тамара с энтузиазмом рассказывала, как за пару лет до описываемых событий ей в голову пришла идея, что в начале должны идти школьники, несущие портреты ветеранов, а за ними – бывшие школьники, уходящие служить (последние иногда участвовали в акции вместе с родителями). Для этого она специально обходила призывников и их родителей и уговаривала их принять участие в параде Победы в таком качестве. Таким образом Тамара хотела продемонстрировать, как прошлое города (фронтовики) связано с будущим (новобранцами). В 2018 г. призывников было семь человек, они маршировали в белых рубашках перед ветеранами, а администрация города поздравляла их с поступлением на службу в армию и дарила подарки.

Шествие призывников открывало парад трудовых коллективов города N. Каждая из колонн, согласно плану Тамары, состояла из представителей одной профессии: учителя идут вместе с учителями, журналисты – с журналистами и т.д. При этом Тамара заботилась, чтобы профессиональные группы не выглядели малочисленными:

Начинали с 5 трудовых коллективов, вот дошло до 16, потом несколько лет держалось 16, а в этот год или в прошлый год уже 21 или 22. Мы даже уже вынуждены некоторые маленькие трудовые коллективы объединять по, например, принадлежности (ПМА 3: ж., 1957 г.р.).

В 2018 г. в параде участвовало 20 трудовых коллективов. Их последовательность отражала статус разных профессиональных групп: сначала шли “силовики”, потом представители крупных госкомпаний (например, “Сбербанка”), работники образования и здравоохранения, за ними – сотрудники местной газеты, коммунальных служб, ученики трех школ и в конце – представители администрации города. Однако отсутствовали люди, занятые в сфере услуг, – например, продавцы и парикмахеры. Софья, одна из идеологических противниц Тамары, была возмущена тем, что ее мама, парикмахер в частном салоне красоты, лишена возможности пройти в одном из городских трудовых коллективов (Там же: ж., 1970 г.р.).

Этот парад не случайно напоминает советское первомайское шествие в варианте 1970–1980-х годов: Тамара и ее коллеги с ностальгией вспоминают демонстрации на 1 мая и считают, что это был замечательный праздник с прекрасными традициями.

В хвосте шествия трудовых коллективов двигались горожане, не вписанные ни в какие структуры, – “неорганизованные” люди, пришедшие на праздник со своими семьями. Они начали появляться, когда акция проводилась уже во второй раз, и встраивались в конец колонн с неунифицированными портретами своих родственников.

Сама по себе идея пронести портрет умершего родственника по городу была для Тамары не очень важна. Для нее важнее было продемонстрировать через праздничные ритуалы идеальный социальный порядок, в котором есть подрастающее поколение, представленное аккуратно одетыми школьниками одного возраста, представители разных профессий и призывники, воплощающие патриотизм в действии. БП и парад трудовых коллективов, по замыслу Тамары, должны показывать единство и дисциплинированность горожан. Именно поэ-

тому так важны стройность рядов, одинаковый цвет рубашек и красивые рамки портретов. Точка приложения усилий Тамары – не погибшие солдаты, представленные одинаковыми портретами “общих” ветеранов из Книги памяти, а ныне живущие горожане, которые должны воплотить своими телами правильный социальный порядок.

В городе Х в 2018 г. наблюдалась очень похожая картина. Хотя там не устраивали парад трудовых коллективов, колонна БП состояла в основном из “организованных” школьников, которые следовали в строго установленном порядке. В нее входили все ученики и учителя единственной в городе Х школы. Для организаторов шествия во главе с завучем Татьяной было важно, чтобы наиболее парадный вид имели идущие в начале колонны. Первыми шли ученики 11-х классов, несшие растяжку “Бессмертный полк” и портреты героев Советского Союза. Мальчики были одеты в белые рубашки, а девочки – в парадную школьную форму советского образца. Советская символика вообще активно использовалась в оформлении головы колонны. За нарядными старшеклассниками маршировали одетые в парадную форму ученики кадетских классов и дети в форме юнармейцев. Далее следовали неуниформированные школьники, а замыкали колонну жители города с портретами своих предков-фронтовиков. Они не только шли в хвосте шествия, но и находились во время праздничного митинга-концерта в отдалении от сцены, потому что место перед сценой было занято плотной толпой школьников, стоящих каждый со своим классом и классным руководителем. “Неорганизованные” жители были в меньшинстве (в сравнении с упорядоченной массой школьников). По нашим наблюдениям, взрослых участников БП в городе Х было около 50 человек, а количество школьников составляло порядка 600–800 человек (ПМА 3).

Таким образом, в устройстве шествия в городе Х модель “социального порядка” представлена в чуть более размытом виде, чем в городе N. Строго говоря, “упорядочены” здесь только школьники, но очевидно, что “организованные” участники шествия имеют преимущество перед “неорганизованными”: первые возглавляют колонну и несут наиболее “статусные” портреты героев Советского Союза.

Стоит отметить, что в городе Х (как и во многих других небольших городах) именно школа занимается памятью о фронтовиках: она организует БП и обладает правом на хранение портретов. Там же они при необходимости и реставрируются. В феврале каждого года во время торжественной линейки 11-й класс передает свои знания и найденную информацию о фронтовиках 10-му классу.

Аналог парада трудовых коллективов в городе Х проходит после БП – во время церемонии возложения цветов к местному военному мемориалу. В 2018 г. после объявления начала церемонии присутствующие оперативно сделали “живой коридор”, через который понесли цветы сначала труженики тыла, затем представители районной и городской администрации, юнармейцы, работники МЧС, полиции и других государственных служб. Каждую группу со сцены объявлял ведущий: “Цветы возлагают представители администрации Х-ского района” и т.д. Только в самом конце церемонии красные гвоздики к памятнику поднесли частные лица – жители города, чья принадлежность к какой-либо организации не была обозначена. Таким образом, “неорганизованные” горожане трижды оказались на периферии праздника: они шли в конце колонны, стояли вдали от сцены и последними возлагали цветы к мемориалу (ПМА 3).

Противники модели “социального порядка”

В городе N организация праздничного шествия по модели “социального порядка” устраивала далеко не всех. Причин для недовольства было несколько.

Первая из них – отсутствие чувства сопричастности происходящему у школьников. Дети не всегда ощущали эмоциональную связь с человеком на “общественном” портрете. В 2018 г. школьники, стоявшие с портретами чужих родственников, – а таких была половина, – признавались нам, что ничего не знают об этих людях, многие даже не могли назвать их имен. “Нас попросили из школы поучаствовать, я их не знаю”, – сказала нам ученица 9 класса одной из местных школ. При этом, по словам девочки, на войне погиб ее родной прадедущка, но, поскольку о нем мало что известно и его фотографий в семье не сохранилось, она не может пройти с ним на акцию. Другой школьник, ученик 10 класса, сказал, что никто из его родственников не воевал, но он решил проявить инициативу и вызвался нести портрет фронтовика, так как считает это “просто хорошим делом” (Там же), однако ему также ничего не было известно об этом человеке. Выпускник Дима сказал, что ничего не узнавал о ветеране с портрета, потому что на это не было времени. Имени его он не помнит, а на вопрос о том, как в школе выдавали плакаты, ответил: «Просто сказали: “Понесете”» (ПМА 1: м., 2001 г.р.). Одним из проявлений индифферентного отношения к фронтовикам стал эпизод, когда на репетиции БП школьники использовали портреты в качестве “оружия” в шуточной потасовке⁶.

Вторая причина недовольства связана с желанием горожан манифестировать именно семейную, а не общегородскую память, как было задумано в модели Тамары. По словам Тамары, количество людей, которые спрашивали у администрации, могут ли они нести портреты своих дедов и прадедов, постепенно увеличивалось. Перелом произошел после того, как в 2015 г. пожилая жительница города N прошла с портретами двух своих мужей, участников войны (один погиб в начале войны, второй умер после ее окончания). Она не отдала портреты школьникам, а понесла их сама. Колонна “организованных” учеников ушла вперед, и оставшая старушка шла с портретами в одиночестве. На горожан этот случай произвел сильное впечатление, и после него родственники фронтовиков перешли к более решительным действиям: они открыто стали выражать желание нести “свои” портреты. На наш вопрос о том, когда в БП появились взрослые, школьник Денис ответил, что ситуации, когда люди “ходят сами, подходят, забирают плакаты, как бы там чей родственник”, происходят по меньшей мере с 2017 г. (Там же). Несколько человек рассказали нам о случае, когда жительница города N отбирала портрет своего деда у школьника прямо перед началом БП.

Третья причина заключается в невозможности продемонстрировать семейную память, шагая в колонне трудового коллектива; в период, когда акцией руководила Тамара, участники парада не могли покидать свои колонны. Во время интервью нам не раз говорили, что люди очень хотели пронести портреты родственников, но они не имели такой возможности.

Проблема выбора между моделью “социального порядка” и семейной памятью характерна не только для города N. Людмила (около 75 лет) из Северодвинска не могла решить, участвовать ли ей в акции в составе колонны от завода “Звездочка” или идти со своими родственниками в общегородском шествии. С одной стороны, она работала на заводе и должна была пройти организованной колонной вместе с коллегами. С другой стороны, Людмила хотела во время акции быть со своей семьей – с детьми, которые не работают на заводе⁷.

Недовольство жителей города N привело к тому, что структура БП, придуманная Тамарой, начала разрушаться.

От манифестации “социального порядка” к “культу предков” в городе N: замысел Софьи

С 2015 г. в городе N начала оформляться идея другого способа проведения праздника. В 2016 г. организация БП перешла в руки Софьи (около 45 лет), директора местного Дома культуры. У нее были другие представления об устройстве БП, и она приложила немало усилий, чтобы переформатировать акцию и выделить шествие с портретами из общего парада Победы. Для Софьи важны личные эмоциональные связи живых с умершими, и поэтому она осуждает практику ношения “общественных” портретов, а также практику хранения изображений фронтовиков в здании администрации: “Если это мой дед, и я заказала портрет, то как я могу его оставить где-то на целый год лежать... Портрет вместе с дедом – он будет храниться дома”. Для Софьи упорядоченность колонн живых не имеет значения, ее цель – показать городу мертвых на портретах, потому что именно они для нее – главные участники БП:

И они (участники. – *Авт.*) стараются развернуть портреты <...> Чтобы площадь видела, кто идет! То есть “равнение направо”, и они поворачивают, вот на площадь как раз, где портреты, чтобы люди видели – кто идет в этом полку, лица, фамилии чтоб крупно написаны (ПМА 1: ж., 1970 г.р.).

Эту же мысль – о том, что главными в БП являются не живые, а мертвые – высказывали в интервью не только жители города N. Например, один участник шествия в Смоленске в 2022 г. на наш вопрос о том, почему он считает важным идти в составе БП, ответил, что ходит не он, а “они” – и показал на два портрета, которые были у него в руках (ПМА 6).

Софья организовала акцию как масштабный спектакль, в котором горожане, несущие портреты родственников, разыгрывали сцену “ухода солдат на фронт”. Сделав круг по площади, участники БП уходили оттуда под аудиозапись топота солдатских сапог. В тот момент, когда полк удалялся, раздавался звук поминального колокола, после чего объявляли минуту молчания. Софья объяснила нам идею этой сцены так: “Я хочу, чтоб прочувствовали, что эти люди никогда с нами больше здесь не будут. Я хочу, чтобы эти люди прошли, и чтобы все их видели”. Мы решили, что цель такой полуреконструкции – показать трагизм события: уход на войну, с которой многие не вернулись. Однако на наш уточняющий вопрос Софья ответила:

Это не то, что (реконструкция. – *Авт.*) ухода на фронт, а то, что... Они есть, они живы, но, извините, их уже нет <...>. И трагичность эта – потому что люди-то действительно больше никогда не вернутся. И счастье, от того, что мы можем теперь, что они могут теперь с нами вместе быть, и радость момента какая-то есть, что ты воссоединился со своим предком, да? Что ты рядом с ним, и ты можешь 9 мая встречать, вот такое, да? (ПМА 1: ж., 1970 г.р.)

Некоторые зрители, стоявшие в этот момент в колоннах трудовых коллективов, именно так и поняли посыл Софьи. Например, местный журналист Антон высказался следующим образом:

Вот полк идет в противоположном направлении колонне. Специально или не специально – не знаю. Но меня вот щелкнуло – они уходят от нас, они не с нами идут вперед, они и не против нас идут. Они идут, они в прошлое уходят. И там остаются (Там же: м., 1971 г.р.).

Средства, задействованные в этой постановке, призваны заставить зрителей пережить ситуацию ухода на войну через действие. Успех патриотического воспитания Софья видит в пере-проживании национальной трагедии: "...патриотическое воспитание – когда они сами прочувствовали". Поэтому на подобные сцены она возлагает наибольшие надежды – и они оправдываются, когда Софья видит эмоциональную реакцию зрителей: «Мы-то уже привыкли, уж наревелись, пока репетировали-то, а зрители потом сказали: "Ну всё, тушь была вся на подбородке"» (Там же: ж., 1970 г.р.).

Успех акции для Софьи измеряется силой ее эмоционального эффекта. В этом же ключе оценивается и эстетическая сторона действия: красиво то, что вызывает сильные эмоции. Если после любительского мини-спектакля, где изображается уход на фронт, зрители плачут, Софья говорит: "То есть это было красиво. Это было хорошо, мы достучались. Люди поняли". Ее совершенно не волнует все то, что для Тамары было главным показателем "успеха" шествия: цвет рубашек, выправка и рост тех, кто несет портреты.

Софья из города N организует шествие, опираясь на модель, которую мы называем "культ предков". Устроенный по такой модели БП превращается в ритуал, целью которого является перформативная коммуникация участника акции с предком, сопереживание ему и общение с ним.

Славянская версия культа мертвых представляет собой

комплекс мифологических представлений о посмертном существовании душ умерших, а также о взаимоотношениях живых и мертвых, подразумевающий почитание покойных родственников, от которых зависит благополучие живых, облегчение посмертной участи предков и заботу об их загробном существовании, их поминовение, задабривание, ожидание от них помощи (Левкиевская 2004: 227–228).

Култ предков составляет важную часть традиционной культуры славян; связанные с ним представления восходят еще к дохристианским временам и, как мы видим, отчасти актуальны по сей день. Хотя большинство современных горожан не ожидает от мертвых наказания за нарушение поминальных традиций или прямого вмешательства в жизнь потомков, многие считают своим долгом поддерживать с ними регулярную коммуникацию. На Русском Севере, где культ предков традиционно играет большую роль в повседневной жизни (Warner, Adonyeva 2021), моральный императив "регулярно помянуть мертвых" находит выражение в сновидениях, где усопшие приходят к своим живым родственникам, упрекают за недостаточное внимание, требуют навестить их на кладбище, "покормить" или передать на тот свет тот или иной предмет⁸.

"Култ мертвых", описанный Уорнером, отличается от "культа предков", который практикуют жители города N. Уорнеровский "культ" представляет собой совокупность действий, помогающих сохранять связь с мертвыми, принадлежащими всей группе, – этнической, религиозной, локальной и т.п. Во время праздничного шествия жители Янки-Сити иногда изображали солдат из своего города, но не своих родственников. День памяти павших, согласно Уорнеру, "драматически выражает чувство единения всех живущих друг с другом, всех живущих со всеми умершими и всех живущих и умерших как группы с Богом" (Уорнер 2000: 310).

Многие жители города N и окрестностей (в том числе и Софья) считают необходимым и важным поддерживать связь с ушедшими кровными родственниками. В весенне-летний период они ходят на могилы родных и рассказывают им про свою жизнь, а также считают необходимым реагировать на просьбы, высказанные покойниками в сновидениях. Подобное отношение к покойным – часть локальной традиции. Так, учитель физкультуры (около 60 лет) из местной

школы, стараясь доказать, что его земляки отличаются большим (по сравнению со столичными жителями) патриотизмом и нравственностью, настойчиво спрашивал нас, часто ли мы посещаем могилы родственников (ПМА 3).

Две модели: сосуществование и компромисс

Подавляющее большинство БП, которые мы исследовали в разных регионах РФ, устроены по модели “социального порядка”. По-видимому, организаторы предпочитают эту модель не только потому, что она отвечает их представлениям о предназначении БП показывать “социальный порядок” и знакома им по советским демонстрациям, где люди шли со своими трудовыми коллективами, но и потому, что шествие технически проще собрать, рекрутируя людей от предприятий и школ. Вот как это сформулировала организатор БП в одном из городов в Кабардино-Балкарии:

У нас народ довольно пассивный, его надо раскачивать очень долго, прежде чем он начнет на таких мероприятиях... в них начнет принимать активное участие. И, честно говоря, мы были вынуждены обратиться к молодежным организациям. Ну, не вынуждены... ну, мы такую выбрали стратегию, и молодежные организации привели от себя каждая по несколько добровольцев. То есть не было никаких там разнарядок, объявлений, просто через них мы донесли информацию (ПМА 5: ж., 1984 г.р.).

Однако такая модель организации БП может порождать конфликты, подобные тем, что мы наблюдали в городе N. Чаще всего участники возмущаются “разъединением семей” – ситуацией, когда члены семьи должны идти в разных колоннах или когда у семьи отбирают портрет их родственника. Также между людьми, которые шествуют впереди с портретами героев, и теми, кто пытается идти рядом с ними (а не в хвосте колонны) со своими личными портретами, могут происходить ссоры (Там же: ж., 1976 г.р.). Кроме того, некоторых отталкивает сама идея выхода с “общественными” портретами. Так, у нашего собеседника из Кисловодска ситуация, когда портреты местных фронтовиков несут иногородние студенты, не оказывая им должного почтения, вызывает ощущение неподлинности (Там же: м., 1960 г.р.).

В городе N эти конфликты в итоге разрешились компромиссом между двумя моделями. В 2018 г. Тамара вернула себе руководство БП, и шествие вновь стало проводиться по ее замыслу: БП стал возвращаться на площадь – вместо того, чтобы уходить с нее, и не под грохот солдатских сапог или чтение фронтовых писем, а под бравурные песни. Однако прежняя структура БП все же изменилась. Если ранее Тамара не поощряла перемещение участников между колоннами, то в 2018 г. была сделана поправка: теперь не только допускался переход из БП в колонну трудового коллектива, но и разрешалось нести там портреты своих родственников. Жители с удовольствием воспользовались этим, и таким образом некоторые фронтовики на портретах “поучаствовали” в параде два или три раза в составе разных групп. Школьники тоже получили возможность нести в БП своих родственников-фронтовиков. В 2018 г. перед началом шествия Тамара устроила среди них переключку (напр.: “Есть ли родственники Иванова? – Отлично, Иванова понесет правнучка”) (ПМА 3).

Несколько увлеченных рассказов о проведении БП по модели “культы порядка” мы записали от организаторов (в их числе была и Тамара). Что же касается рядовых участников, то у них созерцание ровных колонн нарядно одетых школьников особых эмоций не вызывает. Их переживания связаны с “культом предков”, причем вне зависимости от того, в каком именно типе БП они физически задействованы. О сильных эмоциях, связанных с предком (или пред-

ками), нам нередко рассказывали участники из “неорганизованных” частей шествия, выстроенного по модели “порядка”⁹. Если акция проходит по модели “культа предков”, то ее драматургия с большей вероятностью может вызвать такие эмоции, но часто они возникают и переживаются без специальных усилий со стороны организаторов. Так, Степан из города N, которому важно было почувствовать связь со своим дедом, был рад, что после появления “гибридного” формата шествия БП шел дольше, чем в прошлые годы, поскольку так он “больше чувствовал”.

Все это подводит нас к предположению, что модель “культа предков” в целом привлекательнее для рядовых участников БП. Далее мы рассмотрим, почему это может быть так.

Бессмертный полк как пространство коммуникации между живыми и мертвыми

Участие в БП привлекает многих людей, потому что эта акция становится новым пространством коммуникации с погибшими предками.

В России День Победы уже довольно давно приобрел функции поминального дня, что неоднократно отмечали исследователи (*Архипенко 2015; Королева, Колегова 2019*). Многие россияне посещают в этот день кладбища, а жители сельской местности иногда используют советскую инфраструктуру памяти о ВОВ для традиционных практик семейного поминовения – например, устраивают поминальную трапезу возле военного мемориала на плитах с именами погибших (*Королева, Колегова 2019*). Появившийся в 2012 г. ритуал БП изначально содержал в себе элементы народной поминальной обрядности, в которой фотографии умерших давно играют важную роль: их размещают на кладбищенских памятниках, носят в похоронных процессиях, ставят рядом с гробом (*Митрофанова 2020: 299*). Можно проследить и обратный процесс: получив при поддержке государства широкое распространение, БП актуализировал семейную память об участниках войны (*Королева, Колегова 2019: 259–260*). Сегодня родственники приносят фотографии погибших фронтовиков (часто это именно фотографии с БП) на братские могилы¹⁰, на кладбище¹¹; такие фотографии иногда прикрепляют на дом, где когда-то жил ветеран (Там же: 259–265)¹².

Мы хотели бы обратить внимание на еще один аспект связи БП с традиционной поминальной обрядностью. Сегодня некоторые практики коммуникации с покойным на кладбище переносятся в пространство БП. Рассуждая в терминах Ирвинга Гофмана (*Гофман 2004*), можно сказать, что происходит транспонирование практик коммуникации с мертвыми из фрейма “посещение кладбища” во фрейм “участие в коллективном шествии”. В поминальные дни на деревенских кладбищах можно наблюдать разнообразные формы общения с мертвыми – живые здороваются с ними, придя “в гости” на кладбище¹³, жалуются им, оставляют на могиле еду, водку и сигареты. На БП люди иногда общаются с изображениями на портретах так же, как с фотографиями на памятниках умерших. Так, Марина, учительница истории в поселке около города N, организует местный БП и хранит портреты в школьном музее. По мнению Марины, заходя в музей, надо обязательно здороваться с изображениями. Вдобавок она старается держать портреты близких родственников (например, мужа и жены или двух братьев) “лицом” друг к другу, чтобы они “были рядом” (так же, как на кладбище) (ПМА 1).

Навещая могилы родственников, жители города N поглаживают их фотографии на памятниках, и точно так же они поступают с изображениями, изготовленными для БП. Если на кладбище покойному часто сообщают семейные

новости, то на шествии портрету родственника могут пересказывать события из жизни города или села. В 2018 г. организаторы праздничного автопробега на 9 мая в городе N расставляли фотографии ветеранов перед сценой в деревенском клубе, “чтобы они тоже посмотрели концерт” (ПМА 3). Валентина, участница БП в станице W Ростовской области, всегда разговаривает со своим свекром-фронтовиком на портрете и показывает ему дом, который тот начал строить:

Я хотела, чтобы те мои родственники, которых нет, как бы они тоже были на этом митинге, чтобы они тоже посмотрели <...> на всю жизнь в станице. <...> чтобы они хоть мертвые с фотографий посмотрели на то, что их окружает сейчас <...>. Я могу идти и разговаривать с ними, допустим, Петру Петровичу говорить, что тут мимо его дома прохожу... <...> И вот я могу ему сказать: “Петр Петрович, вот это дом, который ты с Аллой Андреевной строил” (ПМА 4: ж., 1950 г.р.).

Они живы: коллективный катарсис в деревне Y

БП, устроенный по модели “культ предков”, позволяет не только коммуницировать с погибшими. Как мы видели на примере города N, символическое “оживление” мертвых, которое происходит на таком БП, позволяет участникам испытывать сильные коллективные эмоции. Приведем еще один пример. В деревне Y, которая находится рядом с городом X, шествие БП в привычной для нас форме не проводится. 9 мая отмечается там акцией памяти, проходящей вокруг мемориального камня, где выбиты имена фронтовиков, которые были оттуда родом. Этот камень поставили жители по инициативе местной активистки Оксаны (около 60 лет), которая занимается организацией Дня Победы. На мероприятие обычно приходит несколько десятков человек, но не более десяти из них приносят портреты. Каждый год акция посвящена одному или нескольким именам, выбитым на камне: приглашают родственников этих людей, рассказывают факты из их биографий, зачитывают воспоминания о них. Все это перемежается чтением стихов о войне и мемуаров о военном времени, которые Оксана записала со слов пожилых жителей деревни.

9 мая часто вызывает споры о том, какие чувства уместны в этот день – гордость за победу или скорбь о погибших. В деревне Y празднование явно ориентировано на сторонников второй точки зрения. Воспоминания о войне Оксана читает для того, «чтобы люди всегда помнили, как страшна война, и чтобы никто и никогда не посмел сказать “можем повторить”» (ПМА 2: ж., 1957 г.р.). Члены сообщества разделяют ее мнение: как сказала одна из участниц акции (около 70 лет), “какая тут радость, столько людей полегло” (Там же).

Как и Софья из города N, Оксана в первую очередь стремится вызвать у присутствующих сильные эмоции. Во время церемонии у камня многие утирают слезы. Высшей эмоциональной точкой действия становится катарсическое разрешение скорби. 9 мая 2018 г. в разговоре с нами Оксана и две участницы акции, не сговариваясь, вспомнили мероприятие двухлетней давности как особенно удачное. В тот день после исполнения песни “Журавли” в небе по случайности показалась стая настоящих журавлей, и одновременно послышался печальный гудок теплохода. Это вызвало у присутствующих эмоциональный катарсис: “...как мы заплакали тогда все... прямо стояли вот так и плакали... так было здорово” (ПМА 3).

Песня “Журавли” не случайно стала одним из триггеров, вызывающих сильное коллективное переживание. По мнению Марии Майофис, в послевоенном советском искусстве образ журавлей отсылал к жертвам войны, обозначая одновременно невозполнимую утрату и надежду на новую жизнь (*Майофис*

2014). В песне птицы символизируют души погибших солдат, которые “не в землю нашу полегли когда-то, а превратились в белых журавлей”. Ее популярность способствовала широкому распространению “журавлиной” символики в позднесоветской культуре: в 1970–1980-е годы в СССР появилось множество памятников погибшим солдатам с использованием образа журавлей, а в 1986 г. в первый раз отмечался День белых журавлей¹⁴. Такой же неслучайной была реплика, которую мы услышали от нашей информантки, когда после рассказа о коллективном катарсисе на позапрошлой акции она произнесла: “...ведь *они* (погибшие. – *Авт.*), наверное, видят нас оттуда”.

Как показывают наши наблюдения, иногда потомкам победителей недостаточно участия в коллективном ритуале для того, чтобы почувствовать свою причастность к погибшим и заново прожить их трагедию. Некоторые ощущают настолько сильную потребность идентифицировать себя со своим дедом или прадедом, что совершают для этого индивидуальные действия, которые не всегда могут быть вписаны в коллективный ритуал (даже если это БП, организованный по модели “культы предков”).

“Хочу быть, как он”: личная идентификация с предком

В качестве примера такого стремления к идентификации с погибшим фронтовиком можно привести действия Степана, жителя города N (29 лет, участвует в БП с 2014 г.). История его попыток “реинкарнировать” в своего предка началось с того, что бабушка Степана, чей брат пропал без вести на войне, перед смертью попросила внука узнать, как он погиб, и захоронить его в родной земле. За этой просьбой стоит локальная традиция: мертвые, похороненные в чужой земле, не считаются “своими”.

Степан увлекся историей двоюродного деда и написал его биографию под названием “Судьба одного героя”, для которой сочинил стихи и нарисовал его портрет. В процессе работы над книгой он стал ходить на БП, но до “реформы” Софьи не испытывал там особенно сильных эмоций. Новый сценарий БП, согласно которому колонна покидает площадь под звук солдатских сапог и идет по пустынному городу, вызвал у Степана яркие переживания: “...человек погиб, никогда не был на параде Победы, и вот хотелось воскресить как-то... Я думаю, что он бы это одобрил. <....> Дрожь по телу и слезы” (ПМА 1: м., 1988 г.р.).

По словам Степана, участие в БП стало для него важнее собственного дня рождения. Однако 30-минутного шествия оказалось недостаточно: чтобы продлить испытанные во время акции эмоции, Степан организовал автопробег Победы. Затем он ощутил необходимость физического контакта с предком – для этого Степан пытается достать настоящую одежду времен войны, мечтает найти подлинные письма бабушкиного брата, чтобы прикоснуться к его почерку, и восстановить автомобиль того времени:

...у меня есть мечта: ГАЗ-АА, полуторка знаменитая. У меня на ней дед ездил, не только на ней, но... Покопать, собирать, восстанавливать <...>, чтоб каждый год ездить на ней 9 мая. Только ради одного дня. Очень хочется, сейчас это вот такая самая большая мечта. <...> Суть не в том, чтобы просто иметь такой автомобиль, суть в том, чтобы прикоснуться к этому металлу

Аутентичная машина времен ВОВ нужна Степану, чтобы через прикосновение к ней приобрести отсутствующий у него военный опыт, почувствовать то же, что чувствовал погибший дед.

По словам Степана, лучшее 9 мая у него было в 2017 г., когда он решил

навестить ветерана. Степан купил гвоздики и пошел в гости к женщине, воевавшей на Втором Прибалтийском фронте, как и его двоюродный дед. Вот как наш герой вспоминал эту встречу: "...фронтовые 100 грамм выпили, даже песен попели, без гитары, без всего, стихов друг другу почитали. <...> Она рассказывала какие-то воспоминания о войне". Общение с ветераном вызвало у Степана бурю эмоций: "Я вышел, я честно скажу, я плакал. Я пришел домой, мне так хорошо стало... Почему я раньше не догадывался просто сходить (к ветерану. – *Авт.*)?". Общение с живым участником войны стало для Степана наиболее доступным способом прикоснуться к опыту погибшего деда и пережить эмоциональный катарсис.

Источник всех усилий и стремлений Степана – его потребность воссоединиться с дедом, практически перевоплотиться в него. Если вначале он пытался удовлетворить эту потребность с помощью текстов и рисунка, то в дальнейшем ему потребовался более тесный контакт с погибшим родственником: машина, на которой тот мог бы ездить, общение с ветераном, имеющим схожий фронтовой опыт. Чтобы "почувствовать" своего предка, потребовались целенаправленные индивидуальные усилия. Такое стремление воссоединиться с предком-фронтовиком встречается не очень часто, но оно и не уникально – в истории Степана мы можем увидеть еще одну причину того, почему многие предпочитают участвовать в БП по модели "культа предков".

“Отдать то, что они не получили при жизни”: участие в БП как компенсация

Выше мы говорили, что комплекс представлений и практик, называемый “культом предков”, включает в себя идею некоторого долга живых перед мертвыми. В традиционной сельской культуре живые считают себя обязанными регулярно поминать мертвых, совершая предписанные локальной традицией ритуальные действия (напр., приходить на кладбище в поминальные дни, оставлять на могилах еду и т.п.). Носители городской культуры тоже испытывают чувство долга перед мертвыми, но представление о необходимых действиях не ограничивается предписаниями традиционной поминальной обрядности. Например, живые могут ощущать потребность компенсировать мертвым то, чего те были лишены при жизни. Уильям Уорнер описывает случай, когда житель Янки-Сити, выбившись из низов и достигнув высокого социального положения, решил перезахоронить своих родителей на “престижной” части кладбища. Он объяснял этот шаг желанием дать родителям, жившим “в лачугах” на окраине, то, чего они не имели при жизни (*Уорнер* 2000: 331).

Многие наши собеседники в ответ на вопрос о причинах участия в шествии БП говорили о стремлении вернуть мертвым то, что они недополучили при жизни. Степан из города N говорит, что его деду, который не дожил до Парада Победы, БП представляет возможность в нем поучаствовать. Евдокия, участница шествия из города X (около 70 лет), рассказала, что ее мать, прошедшая почти всю войну в качестве медсестры, после ее окончания была лишена почестей за свой вклад в победу – она много работала, на 9 мая обычно сажала картошку и даже орденов никогда не надевала. Именно поэтому Евдокия считает важным пронести портрет матери сейчас, чтобы “показать ее всем, и ей все показать” (ПМА 3). Похожим образом ее ровесница из Санкт-Петербурга, Елизавета, объясняет свое участие в акции Бессмертный Ленинград¹⁵: ее родители, пережившие блокаду и защищавшие город, при жизни не получили за это никакого вознаграждения, поэтому сейчас ей хочется пронести их портреты в коллективном шествии¹⁶.

БП дает людям возможность рассказать миру о тех наградах и званиях, которые их родственник получил перед самой смертью или посмертно. Зиновий, пожилой житель Кисловодска, рассказал, что в процессе изготовления портрета для БП он отредактировал в фотошопе фотографию своего погибшего на фронте отца, добавив на его форму орден Красной звезды и знаки отличия капитана. Эти орден и звание действительно были присуждены отцу, но он погиб, не успев получить награду, а тем более сфотографироваться с ней (ПМА 5: м., 1938 г.р.).

Выход с портретом на БП позволяет вписать в группу “почитаемых предков” (которыми в советской и современной России являются фронтовики) тех, кто был маргинализирован в рамках советского символического порядка. Недалеко от города N находится бывший спецпоселок, куда в начале 1930-х годов ссылали раскулаченных крестьян. Жители спецпоселков были лишены многих гражданских прав, не могли служить в армии и воевать на фронте. Вера, живущая в этом поселке, хранит память о своем раскулаченном свекре Федоре Михайловиче. Она очень переживает, что свекор не смог стать участником войны и не был достаточно вознагражден при жизни за тяжелый труд и пережитые лишения. В 2017 г. благодаря личной договоренности с организатором поселкового БП Вера несла портрет Федора Михайловича в шествии, хотя он не воевал. Внимание на этом старались не заострять, и появление изображения раскулаченного на шествии никак не было объяснено другим жителям поселка. Для Веры это был способ воздать свекру те почести, которых он был лишен при жизни (ПМА 1: ж., 1946 г.р.). Организатор местного БП хотела бы сделать то же самое для других репрессированных, но, по ее мнению, “время еще не пришло”.

* * *

Итак, представляя собой разновидность *corpocat movement*, в каждом конкретном случае БП воспроизводит “оригинал” не случайным и не одинаковым образом. В современной России сформировались по крайней мере две стратегии организации БП, в основе которых лежит разное понимание того, для чего нужен этот коллективный ритуал. С одной стороны, есть модель “социального порядка”, где шествие с портретами мертвых призвано продемонстрировать идеальное состояние сообщества живых. Участники акции этого типа – красивые упорядоченные тела, показывающие структуру сообщества живых. С другой стороны, есть модель “культа предков”, согласно которой БП или траурный митинг – это действие, позволяющее живым почувствовать связь с мертвыми, заново пережить их смерть и одновременно утвердить их бессмертие.

Цель шествия, организованного по стратегии “социального порядка”, – демонстрация себе и миру того, что “у нас все правильно”, “все на своих местах”. Средством в этом случае становится моделирование идеального социального порядка по советским образцам – демонстрациям 1 мая и 7 ноября.

Праздник, организованный по модели “культа предков”, преследует цель иного рода: достижение эмоционального катарсиса, который может переживаться как коллективно, так и индивидуально. Поэтому она нередко оказывается более привлекательной для рядовых участников шествия. В целом сильные эмоции у участников БП (вне зависимости от того, как устроено шествие) вызывают переживания, связанные с широко понимаемым культом предков. Во-первых, это желание “продолжить” коммуникацию с покойным уже не в формате традиционных поминальных ритуалов, а в формате публичного коллективного действия. Во-вторых, это стремление компенсировать предку те символические блага, которые он недополучил при жизни за свои подвиги и

страдания. Во-третьих, отдельные участники чувствуют потребность максимально идентифицироваться с предком, и шествие БП становится одним из способов ее реализации.

В модели “социального порядка” субъектами действия выступают разные группы горожан (профессиональные и возрастные коллективы), при этом каждая из них несет “общих” мертвых. В модели “культа предков” субъекта, по сути, два: первый – это потомки ветерана (индивид или семья), несущие его портрет, а второй – сам фронтовик на изображении, “идущий” в колонне вместе со своими родственниками, которые переживают его символическое “оживление”.

Реализация обеих моделей рассчитана как на присутствующего на площади, так и на идеального (воображаемого) зрителя. Для модели “социального порядка” идеальным зрителем можно считать тех, кто увидит красивую картинку парада посредством сообщений в СМИ: всю страну, верховную власть и, может быть, даже иностранных наблюдателей. В шествиях по модели “культа предков” в качестве идеального адресата выступают предки, незримо присутствующие среди живых: именно им участники акции “показывают” родные улицы, праздничный концерт, свой энтузиазм и момент эмоционального катарсиса.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Курилла 2018.

² Из исследований не российского БП можно назвать статью Артемия Плеханова, который интервьюировал участников шествия в Киеве (Плеханов 2021).

³ Помимо авторов статьи, в экспедициях принимали участие Вадим Лурье, Екатерина Ландова и Елена Югай.

⁴ Юнармия – зарегистрированное в 2016 г. всероссийское военно-патриотическое общественное движение школьников.

⁵ Такой же логике следует организатор БП в одной из деревень Архангельской области. Она собрала у жителей фотографии, чтобы оформить портреты в едином стиле; хранятся портреты в сельсовете, а не у родственников (по полевым материалам С. Белянина, записанным в экспедиции под руководством А.Б. Мороза в Вельский р-н Архангельской обл., июнь 2018 г.).

⁶ Аналогичным образом в Кисловодске в 2014 г. студенты и школьники, собранные на шествие БП по разнарядке, использовали портреты в качестве зонтов от дождя, а некоторые стелили их на лавки, чтобы “сидеть на сухом” – что вызвало в городе большой скандал (ПМА 5: м., 1969 г.р.).

⁷ По полевым материалам экспедиции под руководством А.Б. Мороза в Вельский р-н Архангельской обл., записано С. Беляниным (июнь 2018 г.).

⁸ Рассказы о таких снах неоднократно записывали на Русском Севере как авторы этой статьи, так и другие исследователи (Захарова и др. 2020: 170–254; Warner, Adonyeva 2021: 33–34, 78–79).

⁹ Впрочем, часть людей негативные стороны БП по “модели социального порядка” отталкивают настолько, что они отказываются от дальнейшего участия в шествии. Именно такое решение принял житель Кисловодска, который рассказал нам о неподобающем обращении студентов с “общественными” портретами.

¹⁰ Фотографии, сделанные в стилистике БП и поставленные родственниками, мы наблюдали летом 2020 г. на мемориальном комплексе “Синявинские высоты”, где покоятся участники битвы за Ленинград.

¹¹ Людей с портретами из БП мы видели 9 мая 2018 г. на одном из кладбищ в Вологодской области.

¹² Мы также видели дом с портретом в стилистике БП почти во всю стену в Вологодской области во время экспедиции в июле 2018 г.

¹³ Вывод сделан на основе наблюдений в 2017–2019 гг. на трех кладбищах Русского Севера и 38 интервью, записанных там.

¹⁴ День памяти погибших в войнах, 22 октября.

¹⁵ Акция проходила в 2018 и 2019 гг. в Санкт-Петербурге в день начала блокады (8 сентября). Она была устроена по образцу БП: люди шли с портретами жертв блокады и защитников Ленинграда.

¹⁶ Эти ощущения имеют под собой реальные основания: ветераны ВОВ получили особый статус и экономические привилегии только во второй половине 1970-х годов (Эделе 2020).

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в город N и N-ский р-н Вологодской обл. с 28 июля по 7 августа 2017 г.

ПМА 2 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в город X и деревню Y с 14 по 17 августа 2017 г.

ПМА 3 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в города N и X (и деревни соответствующих районов) Вологодской области с 7 по 11 мая 2018 г.

ПМА 4 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в станицу W Ростовской области с 23 по 28 августа 2018 г.

ПМА 5 – Полевые материалы авторов. Экспедиция на Северный Кавказ (Ставропольский край и Кабардино-Балкария) с 25 марта по 4 апреля 2021 г.

ПМА 6 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в Смоленск и Смоленскую область с 8 по 11 мая 2022 г.

Юдин и др. 2017 – Юдин Г. и др. Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества “Какое прошлое нужно будущему России”. М., 2017. https://komitetgi.ru/service/Социология_финал.pdf

Fauconnier 2019 – Fauconnier C. La militarisation de la société russe. À propos de: Galia Ackerman. Le Régiment Immortel. La Guerre sacrée de Poutine. Premier Parallèle // La vie des idées. 2019. le 16 septembre.

listina73 2013 – listina73. Старый вокзал помнит... // Ульяновск. 17.05.2013. <http://ulpressa.ru/2013/05/17/staryiy-vokzal-pomnit>

Научная литература

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс – Политика, 1992.

Архипенко Н.А. Городское кладбище как ритуальное пространство празднования Дня Победы // Русская старина. 2015. Т. 16 (4). С. 251–257.

Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 101 (3) С. 93–202.

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018.

Королева С., Колегова О. Мемориал-кенотаф и часовенный праздник: сельские коммеморативные ритуалы Дня Победы // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2 (1–2). С. 256–288.

Курилла И. “Бессмертный полк”: “праздник со слезами на глазах”, парад мерт-

- вещей или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // *Контрапункт*. 2018. № 12. С. 1–11.
- Левкиевская Е.Е.* Мертвых культ // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3 / Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: ИСл РАН, 2004. С. 227–231.
- Майофис М.Л.* Журавли как символ памяти о войне в СССР середины 1950–1960-х гг.: первые попытки проработки травмы // *СССР во Второй мировой войне. Оккупация. Холокост. Сталинизм* / Науч. ред. О. Будницкого и Л. Новиковой. М.: РОССПЭН, 2014. С. 361–391.
- Митрофанова А.* Социокультурные истоки “Бессмертного полка” в контексте ритуалов коммеморации // *Победа, которая изменила мир (войны, революции, реформы в судьбах России)* / Отв. ред. О.М. Михайленок. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 291–306.
- Захарова А.Л. и др.* (сост.) “С четверга на пятницу...”: рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера. М.: Редкая птица, 2020.
- Плеханов А.* Гражданская солидарность, протест-праздник и поминовение усопших: “Бессмертный полк” в Киеве в 2019 г. // *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* / Под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 249–267.
- Титков А.* Новые практики Дня Победы: макросоциологическое объяснение // *Фольклор и антропология города*. 2019. Т. 2 (1–2). С. 206–229.
- Уорнер У.* Живые и мертвые. СПб.: Университетская книга, 2000.
- Эделе М.* Советская культура Победы // *Неприкосновенный запас*. 2020. № 3 (131). С. 47–69.
- Эппле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛЮ, 2020.
- Fedor J.* Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the “Immortal Regiment” Movement // *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* / Eds. J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. Cham: Springer, 2017. P. 307–344.
- Gabowitsch M.* Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements // *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 65 (5). P. 297–314. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1250604>
- Gaufman E.* The Post-Trauma of the Great Patriotic War in Russia // *Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media (digitalicons.org)*. 2017. No. 18. P. 33–44.
- Warner E., Adonyeva S.* We Remember, We Love, We Grieve: Mortuary and Memorial Practice in Contemporary Russia. Madison: The University of Wisconsin Press, 2021.

Research Article

Kirziuk, A., A. Arkhipova, M. Gavrilova, I. Kozlova, and S. Belyanin. Ancestors against Order: Two Models of Immortal Regiment [Predki protiv poriadka: dve modeli Bessmertnogo polka]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 153–175. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020082> EDN: RBYWNC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Kirziuk | <https://orcid.org/0000-0002-4946-2148> | kirzyuk@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Alexandra Arkhipova | <https://orcid.org/0000-0001-8853-0003> | alexandraarkhipova@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia) | École des hautes études en sciences sociales (54 bd. Raspail, Paris, 75006, France)

Maria Gavrilova | <https://orcid.org/0000-0003-0846-3408> | mariavl.gavrilova@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Irina Kozlova | <https://orcid.org/0000-0001-5466-1339> | matira@dobre.ru | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Sergey Belyanin | <https://orcid.org/0000-0002-0809-1352> | robispre10@gmail.com | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

Great Patriotic War, memory, Victory Day, Immortal Regiment, public commemoration, ancestor cult, social order model

Abstract

The paper focuses on the two most common models of organization of the Immortal Regiment. We call the first the “social order” model. Its aim is to demonstrate the local community in its ideal condition. Such a procession is clearly structured, its participants are often uniformed, and the place of each participant depends on his or her belonging to one or another professional/age group. The second type of organization of the procession is called the “cult of ancestors” model. In this case, the order of the columns and the appearance of the portrait bearers do not matter, since the main participants in the procession are not the living, but the dead. The success of the procession organized according to this model is measured by the strength of its emotional effect: ideally, participants and spectators cry in catharsis. Describing these two models in detail, we examine the conflicts between their adherents, as well as analyze the motivations of the organizers and ordinary participants in the processions.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075-15-2022-326]

References

- Arkhipenko, N.A. 2015. Gorodskoe kladbishche kak ritual'noe prostranstvo prazdnovaniia Dnia Pobedy [The City Cemetery as a Ritual Space for the Victory Day Holidays]. *Russkaia starina* 16 (4): 251–257.
- Aron, R. 1992. *Etapy razvitiia sotsiologicheskoi mysli* [Stages of Development of Sociological Thought]. Moscow: Progress – Politika.
- Durkheim, E. 2018. *Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaiia sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life: Totem System in Australia]. Moscow: Elementarnye formy.
- Edele, M. 2020. Sovetskaia kul'tura Pobedy [Soviet Culture of Victory]. *Neprikosnovennyi zapas* 3 (131): 47–69.

- Epple, N. 2020. *Neudobnoe proshloe: pamiat' o gosudarstvennykh prestupleniiakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO.
- Fedor, J. 2017. Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the “Immortal Regiment” Movement. In *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*, edited by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, and T. Zhurzhenko, 307–344. Cham: Springer.
- Gabowitsch, M. 2015. Pamiatnik i prazdnik: etnografiia Dnia Pobedy [Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day]. *Neprikosnovennyi zapas* 101 (3): 93–202.
- Gabowitsch, M. 2018. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the Transformative Potential of Non-Hierarchical Movements. *Problems of Post-Communism* 65 (5): 297–314. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1250604>
- Gaufman, E. 2017. The Post-Trauma of the Great Patriotic War in Russia. *Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media (digitalicons.org)* 18: 33–44.
- Goffman, E. 2004. *Analiz freimov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Koroleva, S., and O. Kolegova. 2019. Memorial-kenotaf i chasovennyy prazdnik: sel'skie kommemorativnye ritualy Dnia Pobedy [Cenotaph Memorial and Chapel Feast: Rural Commemorative Rituals of Victory Day in Russia]. *Fol'klor i antropologiya goroda* 2 (1–2): 256–288.
- Kurilla, I. 2018. “Bessmertnyi polk”: “prazdnik so slezami na glazakh”, parad mertvetsov ili massovyy protest? Spory o smysle i perspektivakh novogo prazdnichnogo rituala [The “Immortal Regiment”: A “Holiday Through Tears,” a Parade of the Dead, or a Mass Protest? Arguments Over the Meaning and Future of a New Holiday Ritual]. *Kontrapunkt* 12: 1–11.
- Levkievskaya, E.E. 2004. Mertvykh kul't [Cult of the Dead]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquity: Ethnolinguistic Vocabulary], edited by N.I. Tolstoy, 3: 227–231. Moscow: ISL RAN.
- Maiofis, M.L. 2014. Zhuravli kak simvol pamiati o voine v SSSR serediny 1950–1960-kh gg.: pervye popytki prorabotki travmy [Cranes as a Symbol of Memory of the War in the Soviet Union in the Mid-1950s and 60s: The First Attempts at Working with Trauma]. In *SSSR vo Vtoroi mirovoi voine. Okkupatsiia. Kholokost. Stalinizm* [USSR in the World War II: Occupation, Holocaust, Stalinism], edited by O. Budnitskii and L. Novikova, 361–391. Moscow: ROSSPEN.
- Mitrofanova, A. 2020. Sotsiokul'turnye istoki “Bessmertnogo polka” v kontekste ritualov kommemoratsii [Sociocultural Origins of the “Immortal Regiment” in the Context of Commemoration Rituals]. In *Pobeda, kotoraya izmenila mir (voiny, revoliutsii, reformy v sud'bakh Rossii)* [The Victory That Changed the World (Wars, Revolutions, Reforms in the Fate of Russia)], edited by O.M. Mikhailenok, 291–306. Moscow: FNISTS RAN.
- Zakharova, A.L., et al., eds. 2020. *“S chetverga na piatnitsu...”: rasskazy o snovideniiakh v fol'klore Russkogo Severa* [“From Thursday to Friday...”: Dream Stories in the Folklore of the Russian North]. Moscow: Redkaia ptitsa.
- Plekhanov, A. 2021. Grazhdanskaia solidarnost', protest-prazdnik i pominovanie usopshikh: “Bessmertnyi polk” v Kieve v 2019 g. [Civil Solidarity, Protest-Holiday and Commemoration of the Dead: “Immortal Regiment” in Kyiv in 2019]. In *Simvolicheskie aspekty politiki pamiati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic Aspects of the Politics of Memory in Modern Russia and

- Eastern Europe], edited by V.V. Lapin and A.I. Miller, 249–267. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Titkov, A. 2019 Novye praktiki Dnia Pobedy: makrosotsiologicheskoe ob'iasnenie [New Celebration Practices of Victory Day: Macrosociological Explanation]. *Fol'klor i antropologiya goroda* 2 (1–2): 206–229.
- Warner, E., and S. Adonyeva. 2021. *We Remember, We Love, We Grieve. Mortuary and Memorial Practice in Contemporary Russia*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2021.
- Warner, W.L. 2000. *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans]. St. Petersburg: Universitetskaia kniga.